

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 23–31.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 2 (71). P. 23–31.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.54398/1818510X_2022_2_23

СТАДИАЛЬНЫЙ ФАКТОР РАЗВИТИЯ И «КАСПИЙСКИЙ КРУГ»
ЭТНОТРАДИЦИЙ ПОБЕРЕЖЬЯ

Викторин Виктор Михайлович

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия
victvic@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7008-8851>

Аннотация. Ведущей основой для исследования стала реликтовая специфичность региона Прикаспия на всём прибрежном пространстве, а целью – изучение этапов её сохранения и воспроизведения в динамике. Учтено положение о «двух – трёх вариантах евразийской границы». Статья основывается на положении о специфичности данных уникальных и реликтовых территорий, при том развивает его с позиций этнического и субэтнического (языкового, религиозного) многообразия на этих пространствах. Материалы собраны путём длительной (с начала 1980-х гг.) полевой экспедиционной работы автора в Северном Прикаспии и на побережье Дагестана, а также специального изучения (с 2000 г.) научной литературы по Южному Прикаспию («Персидскому», Иранскому), в условиях новых тесных контактов двух стран и их прибрежных регионов. Привлечены исследования непосредственно по теме истории Прикаспия: акад. В. В. Бартольда, Л. Н. Гумилева и современного автора Ж. Б. Кундакбаевой. Особое внимание уделено в статье «стадиальности», необычно воплощённой на прикаспийских просторах. При этом разграничены понятия «формационность» и «стадиальность» (по В. П. Илюшечкину). Дискуссионной остаётся роль фактора прежних завоеваний и иных внешних воздействий на данных территориях. Обращено внимание на подчинённое положение Прикаспия во всемирной истории (Л. Н. Гумилёв) и в развитии всемирной культуры (В. В. Бартольд). Подчёркнуты особенности природы региона и традиционное преобладание «присваивающего» типа хозяйства: как вдоль морского побережья, так и в прилегающих предгорьях, в кочевых степях. В качестве выводов выдвинуты положения о смене ситуации в регионе при усложнении товарного хозяйства, развитии промышленности и мореплавания. Обращено внимание на роль особых, «прикаспийских» современных форм этничности.

Ключевые слова: Евразия, Каспийское море и его побережье, регион и его изучение, прогресс, «окоем», активная периферия, реликтовость и специфичность, ареальность и стадиальность, цивилизация и формация, этнос и субэтнос, миграции, мировые религии и этнические культы, ислам, этнолингвистика, традиция

Для цитирования: Викторин В. М. Стадиальный фактор развития и «Каспийский круг» этнотрадиций побережья // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 2 (71). С. 23–31. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_23.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE STADIAL FACTOR OF DEVELOPMENT
AND THE "CASPIAN CIRCLE" OF COASTAL ETHNOTRADITIONS

Victor M. Victorin, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
victvic@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7008-8851>

Abstract. The main basis for the study is the relic specificity of the Caspian Sea Region in the whole coastal area, and the goal is to study the stages of its conservation and reproduction in dynamics. The provision on "two or three options for the Eurasian border" is taken into account. The article is based on the provision of the specificity of these unique and relict territories, and, moreover, develops it from the standpoint of ethnic and sub-ethnic (linguistic, religious) diversity in these areas. The materials were collected by long (since the beginning of 80s of XX century) field expedition of the author in the Northern Pre-Caspian region and on the coast of Dagestan, and by studies (since 2000) of the realities of the Southern Caspian Sea area ("Persian", Iranian) together with the Astrakhan State University students specializing in Fars?, future translators and teachers. Three books directly on the topic of the history of the Caspian region were attracted: by acad. V.V. Barthold, L.N. Gumilyov and Zh.B. Kundakbayeva. Particular attention is paid to the method and principle of "stadiality", unusually embodied in the Caspian region. At the same time, the concepts of "formationality" and "stadiality" (according to V.P. Ilyushechkin) are distinguished. The role of the factor of previous conquests and other external influences on these territories remains debatable. Attention is drawn to the subordinate position of the Caspian Sea region in World History (L.N. Gumilyov) and in the development of World Culture (V.V. Bartold). As a basis for this, the peculiarities of the local nature and the traditional predominance of the "appropriating" economy along the sea shores and in the adjacent foothills and nomadic steppes are emphasized. In conclusion the author puts forward some provisions on the change in the region situation with the complication of commodity economy, with the development of industry and navigation. Attention is also drawn to the role of special "Caspian" forms of ethnicity in modern time.

Keywords: Eurasia, the Caspian Sea and its Circumference, region and its study, progress, "okoyom", active periphery, relicts and specificity, stages and areas, civilization and formation, ethnos and subethnos, migrations, World Religions and ethnic cults, Islam, ethnolinguistics, tradition

For citation: Victorin, V. M. The stadial factor of development and the "Caspian circle" of coastal ethnotraditions. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 2 (71), pp. 23–31. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_2_23.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Для любой территории всегда будет важным и существенным комплексное рассмотрение её прошлого, настоящего и перспектив с позиций развития, единства в многообразии и детерминизма. Наша статья посвящена уникальным и реликтовым пространствам Прикаспия, их раритетности – огромному этническому, языковому и религиозному полиморфизму.

В нынешних условиях, когда отлаживается правовой статус Каспийского моря (завершается полная ратификация Актауской «Конвенции», посвящённой данному статусу от 12 августа 2018 г.), по-новому встают вопросы гуманитарного сотрудничества в регионе, в т. ч. перспектив как здешних, так и других соотнесённых территорий.

Собственные материалы по теме были собраны нами в многолетних, с начала 1980-х гг., полевых экспедициях на территориях Северного Прикаспия и прибрежного Дагестана, а также в процессе длительного изучения, начиная с 2000 г., Южного Прикаспия («Персидского», Иранского) совместно с коллегами из университетов г. Астрахани при новых тесных связях вузов, регионов и наших двух стран в целом.

Поддержан и рассматривается в иной плоскости выделенный другими авторами «каспийский круг» культур и традиций (Л. Н. Гумилёв, А. И. Курчи и др.), учтены варианты проведения «евразийской границы» в Прикаспии, так как морская береговая линия не раз менялась в связи с повышением и понижением уровня Каспия.

Целью предпринятого исследования стало изучение исключительной специфичности рассматриваемого прибрежного региона, её динамики, стадий и этапов её сохранения и воспроизведения. Для этого применены совмещённые методы, присущие ряду наук. Так, сближены позиции формационности и цивилизационности [4, с. 141–147]. В этническом отношении им отчасти соответствуют (но не совпадая) «стадиальный» и «ареальный» подходы и связывающий их «подход общения» – «информационный» [6, с. 5–6].

Непосредственно поэтапности (близкой к стадиальности) развития Прикаспия посвящены и используются автором исследования: В. В. Бартольд (от 1924 г. – по региону в исламском мире), Л. Н. Гумилёва (от 1992 г., исходя из его «пассионарной» схемы) и современного исследователя Ж. Б. Кундакбаевой из Казахстана (от 2005 г. о политике России в отношении группы кочевых народов) [3; 7; 11]. Указанные публикации содержат важные моменты для осмысления. Они удачно дополняют друг друга, хотя открываются и завершаются различными периодами. Так, Л. Н. Гумилёв, исходя из своей схемы пассионарности (т. е. особой «стадиальности»), обозревал «тысячелетие» Каспия и начинал изложение с «Великого переселения» степных народов и первых шагов ислама, т. е. с IV–VII вв., и доводил его до создания централизованных «национальных государств», т. е. как раз до XIV–XVII вв. Персидскую империю до ислама затрагивал и В. В. Бартольд, завершая изложение мирным договором Персии и России в 1828 г., для того, чтобы при рассмотрении жизни Кавказа под российским владычеством «не вдаваться в область политики» [3, с. 147].

Напротив, казахстанская исследовательница Ж. Б. Кундакбаева свою работу посвятила появлению России на рубежах по всей протяжённости кочевых степей и указала на важность организации подчинения таковых в течение XVII в., отметив то, что отработанная модель легла в основу будущего управления для других регионов, вошедших в Россию, в частности Туркестана и всего Степного края [11, с. 30, 282–283]. Это существенно для нас в плане взаимного признания в 1869 г. Россией и Персией своих рубежей по каспийской реке Атрек в южном туркменском ареале. И все границы России в Прикаспии стали тогда твёрдо установленными.

На основании прежних публикаций нами вновь обращено внимание на подчинённое, включённое и периферийное, даже, пожалуй, буферное положение земель Прикаспия в событиях всемирной истории (Л. Н. Гумилёв), а сообществ их жителей – в развитии мировой культуры (В. В. Бартольд).

Но пока ещё скрытыми остаются ранние ступени сложения этнической (традиционно-специфической) картины региона. Дискуссионной остаётся роль факторов собственного развития на рассматриваемых территориях и прежних завоеваний, иных внешних воздействий, имевших здесь место, в т. ч. «формаций» и «цивилизаций». Притом, добавим, с преобладанием различных форм именно неперспективного, присваивающего типа хозяйства по морским берегам и в прилегающих предгорьях

и в кочевых степях. Последний фактор, несомненно, оказывается сильным препятствием для классификационных выкладок в отношении приморского общественного развития. Как и для комплексного научного «каспиеведения», если предстоит подробно соотнести нынешнее положение дел с тем, которое существовало в регионе в его раннюю письменную эпоху и вообще в древности.

Именно такая необычность статуса водоёма, как и положение обитателей региона, ставит вопрос, как изучать эти явления в их истории, современности и перспективах, «выходя» на важные обобщения с учётом, разумеется, существенного этнического и языкового (и, внутри него, – диалектного), т. е. традиционно-специфического фактора.

Видоизменило всё развитие «вождеств» и государств, городской жизни по побережью и вглубь суши, производящего хозяйства, товарообмена и торговли, путей сообщения с создающим новые этапы привлечением всё более современного транспорта и средств коммуникации.

В целом перед нами только частный (и никак не ведущий) сюжет мирового развития. Но образец этот весьма необычен, характерен и показателен. И Прикаспий, как мы всё больше убеждаемся, включён в общемировой процесс, но сильно «выбивается» своим своеобразием из его магистрального развития. Поэтому прикаспийские пространства астраханские исследователи обозначили как «активно действующую периферию – "АДП"» для всей ойкумены, или же как «Циркумкаспий». А наши московские коллеги из фонда «Мир Л. Н. Гумилёва» – как «Каспийский круг – транзит» [1, с. 32, 40–44; 5, с. 155].

Объективно в совокупности наблюдаем здесь сочетание совершенно необычных факторов детерминации явлений, не игравших в истории выраженной ведущей роли, но, тем не менее, влиявших ранее, влияющих доселе и в перспективе на ключевые мировые события. Вопрос состоит в оценке силы и самодостаточности существующих здесь собственных интенций и перспектив для этого, так же как и участия этнотрадиционного фактора во всем его разнообразии. На этот счёт представлены разные точки зрения, с их любопытными оттенками.

Основная часть

Научное и художественное «каспиеведение» постепенно складывается и точно станет развиваться с учётом неизбежных здесь сложностей и неожиданностей. Подчёркнём, в частности, что Л. Н. Гумилёв в его качестве опытного и знающего учёного предостерегал против «каспиоцентризма» как фундаментального подхода, хотя художественное осмысление здешних красот и богатств перспективно предельно. Писатель расценил свои каспийские акценты как «литературный приём ... для удобства изложения» [7, с. 299]. Необычная книга увидела свет, хотя и уже после ухода автора. В ней историк-географ, что важно для нас, выделил необычность региона – и в целом, и в его составляющих. Южную, гилыанскую часть, почти недоступную для внешних вторжений, с древними сохранёнными традициями, он обозначил как «глухой угол», а северную – как ... «окоем» (сразу «око – кайма – объём») [7, с. 63–69].

С ним солидарны и другие исследователи. Так, у Ж. Б. Кундакбаевой Северный Прикаспий был «проницаем на восток» и вообще «в евразийском контексте ... не имел самостоятельного значения в геополитическом противостоянии» различных сил по морским берегам [11, с. 64, 162]. По мнению В. В. Бартольда, побережье Персии «было в стороне» от походов и других крупных передвижений [2, с. 57; 3, с. 215–225]. На деле даже Великий шёлковый путь со II в. до н. э. был ближним сторонним по отношению к Каспию, но не прибрежным.

Здешние властные образования, близкие к государственным, обычно имели для себя сторонний пример-образец. Так, Хазарский каганат поначалу входил в каганат Древнетюркский с ядром в Центральной Азии, а Золотая Орда подчинялась главному улусу империи в г. Каракоруме, расположенном в тех же краях.

Зарождалось на каспийских берегах мало что глобально важного, хотя их ресурсы неизменно привлекали стороннее внимание. Притом невозможно отрицать результативного и поступательного, продвигающего развития в Каспийском регионе.

Для гуманитарного изучения прикаспийских просторов намечено несколько научных вариантов. Так, состоятельны масштабные формационный (с позиций способа производства) и цивилизационный (по стилю социальной жизни и духовного развития) методы [4, с. 141–146]. С этнических позиций им отчасти близки «стадиальный» и «ареальный» подходы и продуктивно связывает их между собою, как выяснилось в исследованиях, подход «информационный» (по специфике «общения») [6, с. 5–6]. С исторических же позиций, на временной основе, принципиально важно проследить поэтапность, т. е. как раз стадиальность развития, или «стадийность» (так у востоковеда, доктора исторических и философских наук В. П. Илюшечкина), соотнести между собою «стабильность и перемены», «статiku и продвижение» [9], в том числе «собственное» становление и «стороннее» влияние на это.

Тот же проф. В. П. Илюшечкин выделил простой «описательный, событийный» уровень научного обозрения, а ещё почти что общепринятый в России и за рубежом «сравнительно-исторический» метод отражения многообразия людских сообществ в «этническом, национальном, религиозном ... и ряде других отношений». Наивысшим этот автор считал «слой абстракций», воплощающий «единство исторического процесса» [9, с. 234–235].

Схожее, даже более подробное, продвижение исследовательской мысли применялась и гораздо раньше. По акад. В. В. Бартольду, несложный обзор истории (письменной) рассматривает «взаимодей-

ствие человека и окружающей его внешней природы». Далее, всегда распространено было (и сохранилось в тренде и поныне) более глубокое, сопоставляющее подключение к истории древнейшей архаики культур в археологии и в исчезнувших языках, с выявленным тогда «этнографическим происхождением» (В. В. Бартольд) населения региона и его экологическим окружением. Но все это, по мысли автора, имеет лишь «второстепенное значение» [3, с. 5–6].

Главным для основательно-аналитического изучения Прикаспийского региона (в целом и в отдельных его странах) является включение рассматриваемых «городов и областей в круг мирового культурного развития», т. е. степень их доступности на товарообменных и иных магистральных. Право же, «единство исторического процесса» (В. П. Илюшечкин) могло воплощаться и так. С оговоркой, что удобных «магистралей» в Прикаспии издавна не так уж и много. Притом вовлечение это могло происходить и «мирным» (торговым, миссионерским и т. п.), и «завоевательным» (В. В. Бартольд: тоже – «образующим» (!) – путём) [3, с. 5–6].

С «ареальной» же точки зрения нам предстоит, по М. Г. Левину и Н. Н. Чебоксарову, иметь в виду историко-культурные области (ИКО) «волго-камскую», две «кавказских» («предкавказскую» и «закавказскую»), а также «среднеазиатскую», из которой иногда выделяют «казахстанскую» [12, с. 12, 16]. Может быть, предусмотрев в перспективе и ИКО специальную, «каспийскую».

И речь заходит в данном случае не только о культуре. Ключевым для Ойкумены людей является формационное развитие как усложнённое опять-таки стадияльное, но только основанное именно на прогрессе производства. Хотя именно в случаях с Прикаспием характеристики «по формациям» (скажем, от рабовладения к феодализму и далее) оказываются весьма проблемными и неоднозначными для наблюдения и применения.

И выводиться «стадии» прикаспийского развития нам предстоит по иным основаниям. И добавим от себя, что и «стадияльность» обычно несложно просматривается по внешне определяемым признакам, а «формационность» уясняется научно, по извлекаемым из глубины основ внутренней сути. Напомним такого рода высший «слой абстракций» у В. П. Илюшечкина и то, как предлагал в свое время и акад. В. В. Бартольд, учитывать как критерий «круг мирового культурного развития» [3, с. 5–6; 9, с. 235].

Позже такое явление стало обозначаться как развитие «цивилизационное», поскольку помимо строго материального производства представлено ещё воспроизводство духовной культуры с идейной сферой и социальной жизни, в т. ч. явления власти, сакральности и др. [8, с. 90, 117–118]. Удачно разграничены в науке СССР и РФ сложная цивилизационность и более ранняя и простая ареальность [8]. В частности, «высокая», элитарная, профессионально и в письме сохраняемая традиция, – в основе первой, и «малая», народно-бытовая и фольклорная, – во второй (о различиях между ними – у Р. Э. Пайка, Р. Редфилда и М. Б. Сингера в США, затем у С. А. Арутюнова и С. И. Рыжаковой в РФ).

Разница примерно такова, как между «стадияльностью» и «формационностью». Однако нам предстоит рассмотреть на прикаспийских примерах «культуртрегерство» как деятельность, а также распространителей социальных формаций в слабо развитых «регионах хозяйства присвоения» и посланцев тенденций «всемирной культуры», заведомо «высокой».

Великая эллинистическая цивилизация почти не достигла Прикаспия, причём даже Гиляна, при Александре Македонском. Разве что проявилась она в отражённых через Византию кавказско-христианских и российском (с сектантскими ответвлениями) вариантах. Зороастризм или проявления с ним сходные (культ «земного огня» [3, с. 61]) имели на побережье лишь ареально очерченные участки. Цивилизация иудейская образовала здесь с VI в. н. э. только в её окраинном и изолированном, ирано-язычном («татском») варианте.

Гораздо более influentially здесь оказалось с середины VII в. мусульманство, если брать его как социокультурный тип и форму властвования [3; 6; 8; 13]. Его воздействие в X–XV вв. так или иначе охватило всю приморскую округность. Но именно на рубеже XVI–XVII вв. войска султана Мурада III, а затем Мехмеда III вышли к полосе центральной части Прикаспия, и боевые противоречия турецкого суннизма и персидского шиизма разрушали ожидаемое «цивилизационное единство». Следовательно, возможны различные продуктивные варианты изучения этой религии в Прикаспии и на соседних территориях [3; 13, с. 24–82; 6, с. 5–6].

Любопытны были планы императора Петра I превратить Каспий, по В. В. Бартольду, в «российское внутреннее море» [3, с. 117]. Так в основном и получилось (за исключением Южного Прикаспия) в течение XIX в., по Туркманчайскому договору 1828 г. с Персией и границей по р. Астарчай в будущем Азербайджане и признанием местными представителями двух стран в 1869 г. взаимной границы по р. Атрек в Южном Туркменистане.

И получается, что сомкнулись здесь «европейская цивилизация» (с рядом её включённых вариантов) и несколько «азиатских», образовав между собою сложные и небесспорные «приграничья». К примеру, имелось многовековое (с I-ой половины XVIII в.) представление о линии «границы Европы и Азии» по р. Эмба и далее по Уральскому хребту и через северный сегмент Каспия, по Кумо-Манычской впадине. Но в апреле – мае 2010 г. ландшафтно-историческая экспедиция (от комиссии РГО с казахстанскими коллегами) «Урал – граница Европы и Азии» провели границу частей света много южнее Эмбы и выше плато Устюрт и Мангистау, затем к г. Актау (акад. А. А. Чибилев, А. Ю. Понизовкин, Я. Р. Хужина).

В этом случае линия евразийской границы пересекает море на 2,5 тыс. км южнее г. Астрахани и логично продолжается по Большому Кавказскому хребту (официальный рубеж РФ и стран Закавказья). Но это уже не север, а как раз выделяемый нами особо «центр» Прикаспия. И проблема многовариантной и многовекторной «пограничности» смыкается с вопросом о сложении здешней специфики и её эволюции под внешним, сторонним воздействием.

Казалось бы, очевидно, что любые насильственные действия (даже с укрепляющим, на первый взгляд, командным диктатом) были издревле и остаются опасными и нежелательными, даже губительными для этнолингвокультурной реликтовой стабильности в уникальном регионе. Но имело место каспийское пиратство со времен князя Святослава и атамана Разина до установления полной власти России на водной глади в течение XIX в. [10], а также междоусобицы даже мелких властителей на суше и многообразные массовые походы и войны.

Добавим и более поздние конфликты межобщинного характера в Муганской степи в начале XX в., как и в конце XX в. вынужденную миграцию из региона прежде жившего по взморью Азербайджана армянского и ирано-григорианского населения, а ещё трижды протестные, иногда с этническим отзвуком, акции в конце XX и начале XXI в. в казахстанском г. Жанозен (Новый Узень), рядом с г. Актау.

Любопытно, что образование крупных общностей (государств, цивилизаций) обычно смягчало такие локальные противоречия (если и не «примиряло», то хоть властно «умеряло» их) и оберегало от стычек на суше и от пиратских рейдов. А в Российском государстве и, позже, в СССР до конца XX в. они практически исчерпывали себя.

Но фактор завоевания и покорения далеко не всегда бывал созидательным. О «степени конструктивности в ходе экспансий» идут споры. В. В. Бартольд замечал в лекциях от 1924 г.: «В культурном движении играли, кроме мирного (развития), ... роль завоевательные походы. Это имело большое образовательное (?! – *прим. авт.*) значение» [3, с. 5–6]. Так уж получилось, что именно вторжения и агрессоры оставляли в документах и хрониках по себе наиболее яркий след.

Но против такого рода дюринговой «теории насилия» (в связи с войнами и иррадиацией ислама) поступали строгие возражения ещё до Второй мировой войны. Походы и захваты рассматривались только как фактор, дополняющий к внутренним причинам: разложению оседлого сообщества, «расслоению внутри общины» [13, с. 346–40]. Сомнения возникают и сейчас. Поскольку не в «образовательном значении» и не в экспансии от лица культуры был прямой интерес сил вторжения, а в том, чтобы «... взять готовый продукт, сырьё и рабочую силу ...», строить центры светской и духовной власти (города и храмы), гораздо реже – промышленные площадки».

Тем более, что завоеваниям и формационному вовлечению со стороны развитых держав подвергалось местное население – в основном, потребляющих видов деятельности, способное порою на серьёзное слаженное сопротивление завоевателям, но довольно-таки редко.

И на прикаспийских просторах первоначально фиксируется только потребляющее хозяйство, хотя и особой этноспецифичности: рыболовы морские и крупных рек, кочевники-скотоводы и предгорные охотники с элементами стойлового и отарного скотоводства, террасного земледелия. Всё это сохранялось и воспроизводилось веками и тысячелетиями (Л. Н. Гумилёв). Некоторый материал о населении Прикаспия мы имеем, начиная с геродотовых скотоводов-каспиев в V в. до н. э. и страбоновых осёдлых, в землянках, кадусиев в I в. н. э. С внутренним разложением общин здесь возникали потестарные (дополнительные) вожества – *chiefdoms*, а лишь затем – ранние государства.

Но прогресс товарного производства и обмена (скажем, между рыбаками и охотниками, скотоводами и земледельцами по их хозяйственно-культурному типу) так или иначе осуществлялся. Центрами такого рода контактов становились города Прикаспия, основанные за «каспийское тысячелетие», по Л. Н. Гумилеву, – с VIII по середину XVII в. Среди них известны полулегендарный Итиль, затем Саксин, золотоордынские столицы с персидским топонимом «Сарай». А из существующих поныне назовём такие, как Астрахань (ордынское Хаджи-Тархан), Тюмен-на-Тереке (и более поздние на его основе), Тарки, или Таргу (нынешняя Махачкала), Дербент (древняя Чола, Чога, арабская Баб-ал-Аббаб), Баку (с крепостью Сабаил), Куба (Губа), Гянджа (Ганзак), а также Астара, Энзели, Сари, Горган (Джурджан), креп. Игдыкала (Арвай) на туркменском побережье и поздний Гурьев (ныне Атырау) в Северном Прикаспии.

Последующие города и возникавшие государства часто базировались на предыдущих и устраивались по их образцам. Из вожеств возникли и развились Мидия Атропатена с VII в. до н. э. и персидское царство Ахеменидов в VIII–IV вв. до н. э., затем Селевкидов и Парфия. Известны непосредственно на Кавказе к рубежу н.э. племенной союз Кавказская Албания (Арран, Агуанк), а в VII–IX вв. – государство под этим названием. В Нижневолжье и Предкавказье в 60-х гг. VI в. н. э. власть захватил Тюркский каганат. А в VII–X вв. н. э. на его фундаменте и из его провинции возник каганат Хазарский. К середине VII в. войска Арабского халифата вышли к Дербенту, переименовав его в Баб-аль-Аббаб, и вдоль береговой полосы со стороны Кавказа почти на столетие столкнулись в двух войнах два скотоводческо-земледельческих государства: каганат и халифат.

Халифы Аббасиды с 750 г. сумели связать в государстве традиции арабские и персидские. А горцы Гиляна, шииты династии Буидов (Бувейидов), с начала X по середину XI в. захватили власть над Персией вплоть до столицы, г. Багдада. И кочевые тюрки-огузы той же эпохи IX–XI вв. взяли в кольцо Прикаспий:

узы, торки и печенеги – тенгриане, а на Днепре и у Чёрного моря – православные, с севера, а также мусульмане-сельджуки, на их завоеваниях по пути в Византию, т. е. Малую Азию, – с юга.

Пришедшие сюда монголы в XIII в. не создали своими завоеваниями сплоченной цивилизации или же единой ареальной общности, ассимилировавшись с местным населением весьма быстро. Тем более, что между их чингизидскими династиями: Джучидами из Золотой Орды и Хулагуидами в победившем сельджуков государстве Ильханов, – происходили ожесточённые боевые действия сперва в Северном, затем в Центральном Прикаспии вплоть до Южного в 1242–1358 гг.

Правили последние этнические арабы-ширваншахи в центре Прикаспия (IX – середине XIV в.) и племенные монголы Чобаниды – на юге (тоже в середине XIV в.). Новые реалии внесли походы эмира Тимура-Тамерлана на Хорезм вплоть до 1388 г. и по кавказскому Прикаспию на рубеже 1395–1396 гг. Известны многообразные ханства и бекства в Центральном Прикаспии в середине XVIII в.

С середины XVI в. с выходом России на Каспий, основанием в низовьях Волги новых крепостей и г. Астрахани, возникли широкие контакты царства и империи на море и по суше, но и столкновение их интересов с персидской державой Сефевидов, а затем Афшаров и Каджаров. Временно одержав верх над Персией, к центральному Прикаспию, через Ширван, восток Армении и Грузии, на рубеже XVI–XVII вв. вышла Османская Порта (Турция).

Восточное побережье (Закаспийскую область) держали в орбите своей власти и политики Древнего Хорезма (с конца V в. до н. э.), затем сильного государства Хорезмшахов (1097–1221 гг.). А затем, в конкуренции осколков Монгольской империи, с конца XVI в., – Хивинское ханство.

Кроме войн, походов и торговли на рынках и базарах, менял стадии прикаспийской жизни и технический прогресс с использованием местных ресурсов и внедрением всё новых форм транспорта.

О лёгких боевых суденышках на Каспии известно с X в. н. э. Имеется упоминание о битве флота ширваншаха с челнами «русов» в 1175 г., на траверзе тогдашнего г. Баку, с победой у ширванцев. Также заслуживает внимания наиболее известное морское сражение в июле 1669 г. немалого южнее, у острова Свиной, где от стругов Степана Разина потерпели сокрушительное поражение тяжёлые корабли военного флота Сефевидов, а дочь адмирала («персидская княжна» в фольклоре) попала в плен.

Ответные меры стимулировали прогресс судостроения. Против разинцев на море вышел первый трёхмачтовый фрегат «Орел». Построен он был по голландским образцам в Коломенском уезде специально для торговой охраны по Каспию. Но использовался как угроза казакам, сразу рассеявшим свою победную эскадру после единственного сражения в июле 1669 г., ставшего широко известным.

Распространённым становилось и невоенное мореходство. Укреплялись при этом и важные связи двух побережий между собою. С захватом османскими войсками султанов Мурада III и Мехмеда III территории при г. Баку и крупной береговой полосы по Каспию в 1578–1606 гг. было установлено прямое корабельное сообщение (в котором османы имели немалый опыт) с их союзниками в Бухаре и Хиве. Так, через г. Ургенч (Гургандж) и море среднеазиатские паломники-сунниты следовали группами в Мекку, в обход враждебной для Турции шиитской Персии [3, с. 107–108, 146].

С тех же позиций интересны нам походы завоеваний, охватывавшие два морских побережья. Назовем наиболее известные и важные. В IV в. до н. э. обошёл Каспий по его дальней окружности Александр Македонский. Войска Арабского халифата с двух сторон подчинили в VII–VIII вв. основное пространство побережья. Хорезмский султан Джелаль-ад-Дин Менгбурни вёл в 1221–1231 гг. борьбу, перейдя на Кавказ, с военачальниками Чингисхана, а монголы преследовали его по пятам, обогнув море с юга. Походы эмира Тимура-Тамерлана на Хорезм вплоть до 1388 г. и по кавказскому Прикаспию на рубеже 1395–1396 гг. видоизменили этническую картину региона. Шах Исмаил Хотаи Сефевид в начале XVI в. привнёс на всё пространство ислам-шиизм. Шахи Аббас I и Аббас II Сефевиды в начале и середине XVII в. вели наступление на весь Дагестан и тогда же воевали с Бухарским эмиратом, подчинившим тогда ханство Хивинское.

Столкнулись интересы России, Персии и османской Турции, более мелких местных владений. Трагически завершился (хитростью и засадой хана) Хивинский поход 1717 г. капитана гвардии князя Александра (Девлет-Кизден-мирзы) Бековича-Черкасского через Астрахань, Гурьев, р. Эмбу и Кисловодск. Но вскоре в 1722–1723 гг. состоялся через Астрахань и её губернию Персидский поход императора Петра I с эскадрой. Тогда была подчинена значительная территория и в Южном Прикаспии – Северной Персии.

В ответ Надир-шах Афшар, совершив поначалу в 1740 г. поход в Туркестан, осенью 1742 г. вторгся в Дагестан до Кизляра и имел планы нападения на Россию. Под занавес Екатерининской эпохи был произведён в 1796–1797 гг. Каспийский поход российских войск с эскадрой под командованием графа В. А. Зуева и графа И. В. Гудовича. Отступавшие после смерти императрицы войска и массы закавказских христиан в их лагере пытались преследовать хан и шах (с марта 1796 г.) Ага-Мохаммед Каджар под самый конец XVIII в.

Упомянем и попытку совместного Индийского похода консула Наполеона Бонапарта и императора Павла I в апреле – августе 1801 г. через Царицын и Астрахань, флотом на персидский Астрабад. Это смогло бы сильно перековать евразийское пограничье в его этническом значении.

Военные походы стимулировали активные этнические миграции «вокруг Каспия» [5, с. 154–156; 7, с. 40–46]. От персидских войск с юга и калмыцких с востока часть кочевников, прикаспийских туркмен

(игдыры, абдалы, човдуры) переселились на Нижневолжье и в Ставрополье. Осёдлые горские иудеи и таты – христиане (григорияне) от почти одноязычных им персов мигрировали на север, в российские пределы. Зато полукочевые сельские группы арабов Дагестана (оставляя потомков в местном, сильно этнически смешанном населении) отступали от власти России к тогдашним туркам в Маскоте-Мушкуре и в Ширване, затем совсем южнее, к краям своих предков.

Картина межэтнической мозаики становилась если не богаче, то сложнее и многообразнее, с неизбежными жертвами. При походе Тимура-Тамерлана зимой 1395–1396 гг. на островах Дагестана им была уничтожена необычная этногруппа тюрок-рыболовов, т. н. «балыкчияне» (о них у хрониста из Персии Шарафаддина Али Йезди в начале XV в.). Далее завоеватель двинулся на Нижневолжье, на г. Хаджи-Тархан и поселения, его окружавших. Всё чаще возникали от перемещений «диаспоры», связывавшие этносы и территории.

Имелись и иные глубокие преобразования в этнической жизни. Российские войска прошли вплоть до границы (с Южным Прикаспием, т. е. с Персией) на кавказском участке к 1828 г., на среднеазиатском – к 1869 г., и здешняя этнолингвистическая составляющая с её административно-территориальной отношенностью стала вполне определённой.

Характерной чертой XIX – начала XX в. было вовлечение всех групп местного населения в торговые, затем в коммерческие операции и в энергичное промышленное развитие. Происходило обоседление (седентаризация) кочевников и полукочевников, а также поощрялось переселение горцев на равнину (в документах царизма – «на плоскость»).

Ощутимо менялись стадии и росла образованность населения, благодаря техническому прогрессу с использованием местных ресурсов и более новых форм транспорта с увеличением скоростей передвижения, средств массовых коммуникаций с информативностью общения. Многие из этого заложено сейчас в Актауской Конвенции по Каспию от 12 августа 2018 г. и составляет существенные возможности совместного развития всех сфер региона, включая этнокультурную, усилиями пяти стран побережья.

Промышленная разработка нефти и газа внедрялась с середины XIX в. К их добыче и обработке, вывозу всё больше подключались разные группы населения: сначала на кавказском, западном побережье Центрального Каспия, а затем и восточного, среднеазиатского. Одновременно развивалось судостроение (паровой флот) с регулярным мореходством по всей акватории Каспия. Шло возникновение новых колоний (персидских трудовых) в Баку и Астрахани. И в новые для себя формационные отношения втягивались в регионе все его жители, стадийно для самих себя.

В 1890-е гг. было организовано железнодорожное сообщение с Закаспийской областью. И поэтапно, в 1883–1900 гг. и затем до Первой мировой войны были проложены железнодорожные ветки на Кавказе до каспийского побережья.

Полная этническая картина (карта) Прикаспия сложилась, если брать в целом, к началу XX в. Хотя повлияли на неё события революция и двух мировых войн. А через неполное столетие она была заметно перекроена распадом СССР, образованием суверенных государств и многими конфликтными ситуациями. Нередко наблюдаем магистральную и престижную этническую «тительность» и сложности для невлиятельных, включённых и подчинённых этнокультурных образований.

Новую стадию наметил XXI в. для неизбежных и гуманно важных меэтнических связей, а также для возможного сохранения богатой (на данный момент) этнолингвистической и конфессиональной специфики на прикаспийском пространстве, почти во всех её частях и пунктах. Но эта ступень пока ещё слабо очевидна изнутри её состояния. Особой частью общей проблемы встаёт адекватное «научное измерение» реального положения дел. Продолжение изучения поставленной темы полезно, своевременно и весьма перспективно.

Выводы

Можно считать, что «Каспийский круг культур и исторических событий» действительно существует как своеобразная периферия Планеты. И о динамике каспийского пространства вести речь вполне возможно и обосновано, с несколько большей её напряжённостью на западном, кавказском побережье, нежели на восточном, среднеазиатском. Основной тип развития здесь консервативен и традиционен, очень специфичен с сохранением культурных реликтов в прикаспийской этничности с многослойной «пограничностью». Но фактор стадийного прогресса, бесспорно, присутствовал в прежние времена, ещё более ощутим он и теперь. Отмечена смена ситуации в регионе при усложнении товарного хозяйства, развитии промышленности и мореплавания – эти процессы продолжаются. «Евразийская» модель, как и подходы стадийный (вариант формационного) с информационным, весьма методологически продуктивны для исследования и ожидаемых крупных заключений в теории.

Соотношение внешнего воздействия и субстрата собственного развития очень сложно и многогранно – оно потребует изучения и далее (с возможной разработкой научной «Конвенции» по вопросам Прикаспия).

Такое общее каспиеведение ожидает слаженного участия исследователей из разных стран и регионов, в т. ч. талантливой научной молодёжи – носителей разнообразных этнолингвокультурных традиций.

Список литературы

1. Астрахань – XXI век: социокультурная регионалистика. – Астрахань : Астраханский гос. ун-т, 2007. – 376 с.
2. Бартольд, В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана / В. В. Бартольд. – Москва : Восточная литература, 2003. – 661 с.
3. Бартольд, В. В. Место Прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Курс лекций академика, проф. Бартольда на Восточном факультете Азербайджанского государственного университета в 1924 г. / В. В. Бартольд. – Баку : Общество обследования и изучения Азербайджана, 1924. – 150 с.
4. Введение в востоковедение. Общий курс / отв. ред. Е. И. Зеленов, В. Б. Касевич. – Санкт-Петербург : Каро, 2017. – 584 с.
5. Викторин, В. М. «Каспийский круг» этнолингвокультур и конфессиотипов: его астраханский ракурс / В. М. Викторин // Каспий: прошлое, будущее, настоящее : сб. науч. ст. – Астрахань : Астраханский университет, 2021. – С. 154–156.
6. Викторин, В. М. История и современность ислама в России и регионах: пространственный, ступенчатый и информационный подходы (к теории и методологии изучения) / В. М. Викторин // Ислам на Юге России : сб. ст. – Астрахань : Астраханский филиал ВАГС, 2007. – С. 5–6.
7. Гумилев, Л. Н. Тысячелетие вокруг Каспия / Л. Н. Гумилев. – Москва : Мишель и Ко, 1993. – 336 с.
8. Ерасов, Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории) / Б. С. Ерасов. – Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 203 с.
9. Илюшечкин, В. П. Общественные формации и цивилизации / В. П. Илюшечкин // Восток. – 1994. – № 5. – С. 223–236.
10. Кирокосьян, М. А. Пираты Каспийского моря. Очерки истории пиратства на Волге и Каспийском море / М. А. Кирокосьян. – Астрахань : Чилим, 2007. – 189 с.
11. Кундакбаева, Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В.». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. / Ж. Б. Кундакбаева. – Москва : АИРО XX ; Санкт-Петербург : Издатель: Дмитрий Буланин, 2005. – 304 с.
12. Левин, М. Г. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) / М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров // Советская этнография. – 1955. – № 4. – С. 3–17.
13. Толстов, С. П. Очерки первоначального ислама / С. П. Толстов // Советская этнография. – 1932. – № 2. – С. 24–82.
14. Чебоксаров, Н. Н., Чебоксарова, И. А. Народы, расы, культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. – Москва : Наука. 1985. – 280 с.

References

1. Astrakhan – XXI vek: soeiiokulturmaya regionalistika [Astrakhan – XXI century: sociocultural regionalistics]. Astrakhan: Astrakhan State University Publ. house, 2007, 376 p.
2. Bartold, V. V. *Raboty po istoricheskoy geografii i istorii Irana* [Works on the historical geography and history of Iran]. Moscow: Vostochnaya literature Publ. house; 2003, 661 p.
3. Bartold, V. V. *Mesto Prikaspiyskikh oblastey v istorii musulmanskogo mira. Kurs lektsiy akademika prof. Bartolda na Vostochnom fakultete Azerbaydzhanskogo gosudrftvennogo universiteta v 1924 g.* [The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world. The course of lectures by Prof. Bartold in the Eastern Faculty of Azerbaijan State University in 1924]. Baku: Obshchestvo obsledovaniya i izucheniya Azerbaydzhana Publ. House; 1924, 150 p.
4. *Vvedenie v vostokovedenie* [Introduction to Oriental Studies]. St. Petersburg: Karo; 2017, 584 p.
5. Viktorin, V. M. "Kaspiyskiy krug" etnolingvokultur i konfessiotipov: ego astrahanskiy rakurs ["Caspian circle" of ethno-linguistic cultures and confessional-types: its Astrakhan perspective]. *Kaspiy: proshloe, budushchee, nastoyashchee* [Caspian: past, future, present]. Astrakhan: Astrahanskiy universitet Publ. House; 2021, pp. 154–156.
6. Viktorin, V. M. *Istoriya i sovremennost islama v Rossii i regionakh: prostranstvennyy, stupenchatyy i informatsionnyy podkhody (k teorii i metodologii izucheniya)* [History and Modernity of Islam in Russia and Regions: Spatial, Stepwise and Informational Approaches (to Theory and Methodology of Study)]. *Islam na Yuge Rossii* [Islam in the South of Russia]. Astrakhan: Astrahanskiy Astrakhan branch of the Volgograd Academy of Public Service Publ. house, 2007, pp. 5–6.
7. Gumilyov, L. N. *Tysyacheletie vokrug Kaspiya* [Millennium Around the Caspian Sea]. Moscow: Mishel i Ko PLL, 1993, 336 p.
8. Erasov, B. S. *Kultura, religiya i tsivilizatsiya na Vostoke* [Culture, Religion and Civilization in the East]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ. House; 1990, 203 p.
9. Ilyushechkin, V. P. *Obshchestvennyye formatsii i tsivilizatsii (k diskussii)* [Social formations and civilizations (for discussion)]. *Vostok* [Oriens]. 1994, no. 5, pp. 223–236.
10. Kirokossian, M. A. *Piraty Kaspiyskogo morya. Ocherki istorii piratstva na Volge i v Kaspiyskom more* [Pirates of the Caspian Sea. Essays on the history of piracy on the Volga and the Caspian Sea]. Astrakhan: Chilik Publ. house, 2007, 189 p.
11. Kundakbaeva, Zh. B. "Znakom milosti E.I.V.". *Rossiya i narody Severnogo Prikaspiya v XVIII v.* ["By the Sign of H.I.M. Favor". Russia and the Peoples of the Northern Caspian Region in the 18th Century]. Moscow: AIRO XX Publ. house; St. Petersburg: Publ. Dmitry Bulanin; 2005, 304 p.
12. Levin, M. G., Cheboksarov, N. N. *Khozyaystvenno-kulturnye tipy i istoriko-etnograficheskie oblasti (k postanovke voprosa)* [Economic-cultural types and historical-ethnographic areas (On the formulation of the question)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1955, no. 4, pp. 3–17.
13. Tolstov, S. P. *Ocherki pervonachalnogo islama* [Essays on original Islam]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1932, no. 2, pp. 24–82.
14. Cheboksarov, N. N., Cheboksarova, I. A. *Narody, rasy, kultury* [Peoples, races, cultures]. Moscow: Nauka Publ. house; 1985, 280 p.

Информация об авторе

Викторин В. М. – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

Victorin V. M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.02.2022; одобрена после рецензирования 04.03.2022; принята к публикации 28.03.2022.

The article was submitted 08.02.2022; approved after reviewing 04.03.2022; accepted for publication 28.03.2022.